

сторонами, содержит ряд серьезных методологических ошибок, много фактических ошибок и неточностей, небрежных формулировок, существенных методических недостатков. При распределении материала допущены отступления от учебного плана. Раздел по истории Рима непропорционально расширен за счет других разделов. Учебник в настоящем виде не удовлетворяет требованиям, которые должны быть предъявлены к такого рода изданиям, и нуждается в коренной переработке.

Обсуждение собрало большое количество научных работников и преподавателей научных учреждений и высших учебных заведений Москвы. На обсуждении присутствовали и учителя средних школ. Обсуждение показало необходимость более тесного общения научных работников и преподавателей различных научных и педагогических учреждений и учителей. Отсутствие или недостаточность такого общения привели к тому, что в обсуждавшемся учебнике не были своевременно устранены его серьезные недочеты. К сожалению, отдельные члены авторского и редакторского коллектива болезненно воспринимали критику, как проявление якобы не делового к ним отношения.

Н. Н. Пикус

Письмо в редакцию

Ознакомившись с рецензиями Д. П. Каллистова и Ю. С. Крушкол на мою книгу «Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII в. до н. э.)» в № 4 ВДИ за 1952 г., а также со статьей Л. Борисова в журнале «Вопросы истории», № 11 за 1952 г., считаю своим долгом заявить, что суровое осуждение допущенных мною в книге ошибок под влиянием взглядов Н. Я. Марра является правильным.

За двадцать с лишним лет моей научной работы я, как и некоторые другие историки, действительно находилась под влиянием взглядов Марра. Несмотря на то, что ко времени защиты мною диссертации в 1948 г., в некоторых вопросах я и отошла от взглядов Марра, которые еще разделяла в моих печатных работах 1936 г. (в вопросе о миграциях, о применении способа четырехэлементного деления слов), тем не менее даже в этих вопросах, высказывая свою точку зрения и при рассмотрении лингвистических терминов пользуясь сравнительным языкознанием, я не только не вступала в борьбу со взглядами Марра, но считала возможным приводить аргументацию Марра, как научную аргументацию. Для меня теперь сделалось очевидным, что влияние взглядов Марра мною еще не было изжито до конца и после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Я допустила большую ошибку, а именно — не переработала книгу в должной мере. Это объясняется тем, что я тогда считала себя уже освободившейся от влияния взглядов Марра, чего на самом деле не было. После прошедшей в апреле месяце 1952 г. на Историческом факультете ЛГУ им. А. А. Жданова дискуссии я также не сразу поняла все свои ошибки. Лишь путем тщательного анализа всех положений книги в связи с высказываниями на дискуссии и углубленной теоретической работой над новыми трудами И. В. Сталина я увидела свою книгу в новом и невыгодном для нее освещении. Очевидно, отсутствие настоящей критики теории Марра, ее долгое влияние на мои личные работы и недостаточно высокий идейно-теоретический уровень моей подготовки привели к тому, что потребовалось вмешательство извне, чтобы я полностью осознала те ошибки, которые мне трудно было понять самой. За это я и благодарна Историческому факультету Ленинградского университета и нашей советской печати, подвергшей справедливой критике мою книгу.

В результате широкого обсуждения моей книги я пришла к выводу о необходимости пересмотреть всю мою работу и коренным образом переработать главу о критомикенском Родосе. В моей дальнейшей работе я должна буду учесть все допущенные мною ошибки, которые теперь стали мне вполне ясны.

Р. Колобова